

Посвящается Даниэлю

Глава первая

На юге проснулся Разлом. Более тысячи лет он рос, сперва медленно, подобно невидимой опухоли, скрытой под поверхностью земли, подобно микротрещине, источающей чужеродные испарения, пугающий, однако безобидный. Но давление под поверхностью все нарастало, покуда трещина не превратилась в проем, а проем распространился дальше, стал бездонной утробой, открывшейся на теле мира раной.

Из Разлома прорвались инфернали, бесформенные кошмары, что прорубают себе путь в реальность, вселяются в тела павших, изменяют их, искажают законы природы, оскверняют растения, животных, даже воздух.

Приняв физическую форму, инфернали также обретают личность и имя: величайший из них — чудовищный Узурпатор, который поглощает силу, подчиняя чужую волю, который поверг Гамму из Семерых и разбил ее воинства. Узурпатор — предвестник крушения надежд и утраты человечеством ведущей роли в мире.

Но живой меч Гаммы не уничтожен, и его постоянное присутствие оставляет на сущности Узурпатора болезненные гноящиеся следы, ослабляя его. Узурпатор

посылает свою армию на поиски меча, известного среди inferналей под именем Злость, но тщетно. Меч уведат у них из-под носа, и со временем его сила сокрушит Узурпатора, и вновь воцарится подобие мира. Не истинный мир, ибо слишком многое было разрушено на земле, чтобы былой миропорядок мог вот так запросто восстановиться. Это лишь пауза, задержка дыхания перед очередным выдохом. Ничто иное, как временная мера. Ибо на юге проснулся Разлом.

На другом конце мира у окна стоит мужчина, и взгляд его янтарных глаз направлен на маленькую фигуру снаружи. Ее обладательницу зовут Веспер. Она не делает ничего особенного, но, глядя на нее, мужчина улыбается: само ее существование согревает его подобно лучам солнца.

Долгое время он был сам по себе, был бродягой. Теперь у него есть дом, семья и козы — так много, что он не знает, как с ними управиться. Это хорошая жизнь.

Но в последнее время ему мерещится надвигающаяся тень, признак грядущих несчастий. Его дом находится за пределами Сияющего Града, вдали от людей, политики и чужих чаяний. Новостям не так просто пробиться к его порогу, и это не случайно.

Позади начинает дрожать и качаться из стороны в сторону меч, стучат по стене его сложенные крылья, но глаз остается закрытым. Годами он спал глубоким мирным сном, служил молчаливым спутником.

Мужчина поворачивается к мечу, улыбка сходит с его лица. Рассеянно он расчесывает старые шрамы — на ноге, на лице, на голове. На их заживление ушли годы. Годы

усердной работы, чтобы построить новую жизнь, безопасное место для тех, кого он любит.

Внимание снова обращается к Веспер, беззаботно болтающей с козами. Нехотя он возвращается к работе, но стук меча не прекращается, тревожит, будто острый камешек в сапоге, постоянно напоминающий о себе. Он сжимает губы. Сжимает кулаки.

Меч в его комнате, дверь закрыта.

Этого недостаточно.

Он заворачивает меч в толстый слой ткани, заглушая издаваемый им стук. Этого недостаточно. Хоть меч больше не бьется о стену, его беспокойство выражается в полуоформленных звуках, слабых отзвуках, цепляющихся за уголки сознания.

Он оказывается у двери, на которую смотрит в упор, одной рукой начинает ее открывать, чтобы дотянуться до спящего меча. Ничего страшного, если он еще раз возьмет его, разбудит...

— Что ты делаешь?

Он вздрагивает, поворачивается и видит рядом сияющую Веспер. С ней каждый день — чудо. Как она выросла! Как стала похожа на мать...

Она наклоняет голову к плечу, пытаясь посмотреть ему за спину.

— Что ты делаешь?

Он выдавливает подобие улыбки, пожимает плечами.

— Ты в порядке?

Он кивает.

— Что там? По-моему, я слышала шум. Можно взглянуть? Там животное? Ему, кажется, плохо. Можно посмотреть?

Отмахиваясь от назойливых расспросов, он кладет руку ей на плечо и увлекает за собой, прочь от комнаты.

Позже, когда девочка отвлечется на что-то еще, он принесет в комнату ящик и более плотную ткань.

Но этого недостаточно.

* * *

Двадцать лет прошло с тех пор, как инфернали впервые прорвались в мир, но Разлом не утихал. Сквозь него регулярно просачивались искаженные сущности — поодиночке, парами, иногда потоком, — но он непрерывно рос: сантиметр за сантиметром, увеличивался, содрогался, снова расширялся.

И вот уже одиннадцать лет за Разломом наблюдает Самаэль.

Он стоит на груди ржавеющей машинерии: когда-то это был змей из механизированного металла, ныне — памятник ушедшему. Под его ногами местный мох ведет борьбу с постигшей его заразой. Пораженные участки — ноздреватые желто-бурые подушки — разрастаются методично и даже, кажется, вполне целенаправленно. Самаэль их не замечает, его внимание сосредоточено на Разломе. В первый раз он пришел сюда по наитию. Его звали едва слышимые голоса, нашептываемые сущностью. Он ценит свое чутье так же, как ценит свои привычки. Они задают направление.

Двенадцать лет прошло с его второго рождения, с тех пор, как его забрали у моря, и лишь волосы его остались прежними. Под броней скрыта бледная кожа, закостеневшая пародия на треснувший мрамор. Волосы — единственное, что есть в нем живого. Он затягивает их в хвост,

который развеивается из прорези в шлеме. Он знает, что создатель не одобрил бы подобного тщеславия. Эта мысль заставляет его вздрогнуть и улыбнуться.

Конечно, его создатель, его командир, был сражен Злостью, как и остальные рыцари Нефрита и Пепла, но это не мешает Самаэлю о нем думать. Или ждать одобрения. Хотел бы он, чтобы все было иначе.

Его броня — выкопанные на поле боя разномастные пластины, кое-как им соединенные. Уродливый и плохо сидящий доспех. Он чувствует, что так и надо. Вторая кожа, сделанная им самим. Он к нему привык. По крайней мере, *это* создатель точно бы одобрил — надеется он, но не уверен. После внезапной смерти командира он обрел свободу, но эта свобода таит в себе так много вопросов.

Из Разлома хлещет новая волна сущности. Когда-то разрыв не был виден с холма, а между его наблюдательным пунктом и расщелиной лежала деревня. Деревни больше нет, ее поглотила земля, утянула в неизведанные глубины далеко за пределы Разлома.

Самаэль не знает, откуда ему это известно. Он помнит здания, людей, помнит, как в их глазах затухал огонек надежды, когда он проходил мимо, оставляя их умирать. Эта вспышка в памяти — его и одновременно не его — исчезает так же быстро, как и появляется, оставляя внутри бурлящий клубок невнятных чувств.

Неохотно его сознание возвращается в настоящее.

Именно отсюда появляются демоны. Он не может отменить того, что с ним сделали, не может помешать продвижению инферналей на север, но здесь кое-что изменить он способен. Здесь он, по крайней мере, может остановить волну.

На краю Разлома начинают формироваться тени нерожденной сущности вместе с ратью мечущихся голодных уродцев, низших инферналей. Подобно парше, они расползаются по грязи в поисках пищи. Нерожденные духи пытаются пробить дорогу в мир, им нужны тела, чтобы закрепиться в этом измерении.

Самаэль усмехается: он знает, что у них ничего не выйдет.

Немногие оставшиеся трупы, те, в которые никто не вселился, он убрал еще несколько лет назад, обрекая новоприбывших инферналей блуждать у границ Разлома, медленно растворяясь и превращаясь в жуткие образы, не обретшие плоти.

Он наблюдал эту картину множество раз, и она никогда не надоедала.

Но сейчас что-то изменилось. Вторая волна нерожденных теней это подтверждает. Глаза полукровки видят в потоках сущности одни и те же завихрения. Да, они в отчаянии, как и обычно, но отзвук страха внутри призрачных вихрей — внове. Их пугает отнюдь не враждебный мир, в который они прорвались. Что-то другое. Что-то позади них.

Они бегут.

Земля содрогается от рокота, эта волна идет изнутри и добирается до металлического холма. Самаэль выставляет руки, чтобы сохранить равновесие, балансируя на волне вплоть до ее исчезновения. Вскоре рокот возобновляется, и небо застилает плотное черно-багровое облако сущности, выплюнутое Разломом.

Самаэля сбрасывает с холма, и он валится в грязь. Полукровка быстро поднимается, физической боли нет.

Земля все еще содрогается, теперь без перерывов, а Разлом тем временем вздувается, пытаясь избавиться от бремени. Земля дрожит, исторгает плод, и реальность смещается немного дальше на север.

Тварь, что возникает, огромна, она пробивает измерения, которые не видны даже Самаэлю. Она велика и мала, сдержанна и безгранична. Но более того — у нее есть цель. Она способна существовать сама, не вселяясь в чужое тело, не рождаясь.

В мир пришла Тоска.

Самаэлю достаточно одного взгляда, чтобы понять, что это такое. Он потекает еще одной старой привычке и убегает.

* * *

Далеко на севере, за морем, в землях увядающей зелени, располагается Сияющий Град. Его границы образует невидимое поле, настроенное на инфермальную скверну, готовое ее сжечь. Внутри этого поля на склонах поросших травой холмов виднеются окна, намекающие на скрытые внутри туннели с транспортом и инфраструктурой. По бокам и на вершине устремленных ввысь серебряных колонн разместились ландшафтные сады. Внутри образуемых холмами и шпильями кругов раскинулось широкое открытое пространство. В центре его возвышаются ступени — гладкие, сияющие. Длинной пятнадцать метров, они ведут в никуда. Следующие шесть метров занимает гигантский металлический куб. Он медленно вращается, и его держат невидимые нити.

Куб полон секретов, в нем своя иерархия и свои заботы, касающиеся как этого мира, так и внешних миров.

В сердце его располагается святилище Семерых.

Даже здесь, в этом убежище, вдалеке от inferналей, они чувствуют дрожь земли. Даже здесь, обладая силой, запершись внутри сотканых из серебряной энергии стен, они тревожатся из-за происходящих в недрах земли и в сущности изменений.

Первым из Семи пробуждается Альфа, открывает ни с чем не сравнимые глаза, излучающие мудрость его создателя и опыт тысячелетий. Окидывает взглядом пять других альковов, каждый из них — дом, гробница бессмертных.

Медленно поворачиваются головы, чтобы поймать его взгляд, и каменные хлопья опадают с их лиц.

Они не говорят, они не поют, не сейчас — рано. Их сила здесь, она ждет, пока ее призовут, но для призыва не хватает воли.

Альфа чувствует вопрос во взглядах братьев и сестер. Явилась новая напасть. Они ждут его реакции. Он разминает пальцы, высвобождая их из каменной тюрьмы, и бросает взгляд на меч. Клинок зарыт, едва различимый в оболочке серого камня. Мечи его братьев и сестер не в лучшем состоянии — они обратились в камень, окропленный слезами, которые проливались в течение многих горестных лет.

Пришло время вновь их обнажить.

Альфа поднимает руку, остальные делают вдох. Пять напряженных рук, готовых к действиям.

Невидимая сила заставляет Альфу повернуться к третьему алькову. Когда-то там покоилась их сестра, Гамма. Ныне там пусто.

Для них она потеряна.

Потеряна.

То, что было для них незыблемо, изменилось с приходом Узурпатора. Если они пойдут на войну, повлечет ли эта опасность за собой другую? Сама мысль об этом невыносима. Альфа останавливает руку, опускает голову.

Пять рук разжимаются, шесть разумов успокаиваются, возвращаясь во тьму и сладкое забытие.

На расстоянии нескольких миль, сокрытое во тьме, завернутое в ткань, под слоем пыли, заточенное в дерево, открывается око.

* * *

Внебе лениво парит птица, держа в клюве отчаянно извивающегося червяка. Взмахнув крыльями, она снижается, ловя воздушные потоки, и кружит около высокой колонны, на вершине которой располагается сияющий небесный корабль, чьи пушки превратились в заросли птичьих гнезд.

Их здесь быть не должно. Рабочие должны были их убрать, но инспекций не проводилось — ни в этом году, ни в предыдущие четыре. Никто снизу не видит верхушку небесного корабля, вот рабочие ее и не чистят. Этот недочет остается незамеченным. Есть и другие. Мелкие изъяны медленно разлагающейся Империи Крылатого Ока.

Воздух пронзают резкие крики — дай поесть! Птица не обращает на них внимания, направляясь к собственным детям, и кидает червяка трем раскрытым клювам, прежде чем воздушные потоки вновь унесут ее навстречу новым приключениям.

